
ЯСНОЕ ПОЛЕ
Е.А. ЧЕРЕДНИК

Евгений Чередник
Ясное Поле

https://litres.ru/74753577
SelfPub; 2026

Аннотация

Деревня Ясное Поле умирает. И виной тому — не болезни и не стихия, а проклятие ведьмы, чей дом тридцать лет стоял заброшенным на краю села. Когда студенты из любопытства вскрыли заколоченное окно и потревожили старую книгу, они разбудили то, что должно было спать вечно.

Теперь скотина падает без ран, огороды гниют на корню, а люди начинают пропадать — один за другим. Иван Никифорыч, последний упрямец Ясного Поля, пытается спасти односельчан, но чем отчаяннее он борется, тем яснее понимает: ведьма сказала правду. Жить на этой земле больше нельзя.

«Ясное Поле» — деревенский хоррор о цене любопытства и о проклятии, которое не сгорает в огне. И огонёк в темноте всё ещё горит. Он дышит. И ждёт.

Евгений Чередник
Ясное Поле

Ночной визит

Глава 1. Июнь

Стоял июнь. Днём было знойно, а к вечеру приходила облегчающая прохлада.

Однажды в деревню наведались студенты. Им нужно было для реферата собрать информацию о том, как живут в русских деревнях.

На краю села стоял старый заброшенный дом, в котором когда-то жила ведьма. Она умерла тридцать лет назад. В дом никто не ходил, а когда проходили рядом, старушки крестились на его забор. Нехорошим от него веяло. Говорили, если туда зайти — потревожишь злого духа, и тогда не поздоровится всем, кто живёт в этих местах.

Местные рассказали студентам об этом доме и строго-настрого запретили в него лазить. Но у молодых людей от запрета только сильнее разыгрался интерес.

Ночью, когда все уснули, они наперекор запретам пробрались к дому.

Здание выглядело так, будто опустело только вчера, — ни пылинки, ни следа времени. Окна были заколочены досками, а дверь заперта на тяжёлую ржавую цепь. Но студенты решили проникнуть внутрь через окно. Они отодрали доски, тихо постучали молотком по стеклу, вызвали трещину, потом надавили рукой — и стекло раскололось.

Они влезли внутрь.

В доме царила та же странная чистота — ни одной пылинки. Зато повсюду стояло множество свечей, а на столе лежала толстая старинная книга в кожаном переплёте. Они решили открыть её и посмотреть, что внутри.

Как только книга раскрылась, начало происходить нечто немыслимое.

Фонарики, которые были заряжены до конца, резко погасли. Батарея села мгновенно. С телефонами случилась та же история. В соседней комнате послышались шаркающие шаги.

И тут в один миг дом вспыхнул огнём. Студенты броси-

лись к окну, через которое только что влезли, — но оно снова оказалось заколочено. Они не смогли выбраться и сгорели заживо.

На следующий день местные обнаружили пропажу студентов и начали поиски. Нигде не могли найти. И только Василиса Степановна, увидев выбитые окна в том самом доме, перекрестилась и сказала:

— Они там.

Но дом стоял целым — ни следа огня. Внутри нашли обгоревшие тела.

Старики сразу закивали:
— Не к добру это.

Вызвали полицию и скорую. Целый день по деревне ходили, всех допрашивали. К вечеру, опечатав дом, уехали. В протоколе написали: «Несчастный случай».

Пятидесятилетний Иван Никифорыч жил в этой деревне всю свою жизнь. Он жил через дом от той самой избы, где когда-то обитала ведьма. Он помнил, что жители её не любили и посмеивались над ней.

Однажды ведьма сказала:

— Если кто-то войдёт в мой дом, вы не сможете больше жить в этом месте.

Глава 2. Беда

Через неделю после той страшной ночи в деревню пришла беда.

Сначала у Ивана Никифорыча захромала корова. К вечеру она легла и уже не встала. Наутро он нашёл её мёртвой — без единой раны, будто жизнь из неё выдули. Зарезать не успели, мясо оказалось чёрным внутри, и собаки отказывались его есть.

На следующий день пала скотина у соседа. Потом — у самого зажиточного мужика на деревне. За неделю не осталось ни одной живой коровы, ни одной овцы. Даже куры попадали.

Старухи запричитали, мужики ходили хмурые, не пили, не разговаривали.

А потом начало пропадать всё, что росло на огородах.

Картошка взошла, но через три дня почернела и сгнила прямо в земле. Морковь выросла с палец, но внутри оказалась трухой. Огурцы цвели, но завязи не давали. Капуста пошла в кочерыжку, а лист скрутился и осыпался, будто его огнём опалили.

Что не съела гниль — то съела какая-то чёрная мошка, какой раньше никто не видал.

К концу второй недели в огородах не осталось ничего, кроме бурьяна и лебеды.

И тогда жители заговорили в один голос:

— Злой дух разбудили.

— Студенты проклятые, — говорили бабы у колодца, крестясь на каждый чих. — Нашли куда лазить. Велели же не ходить. Вот вам и реферат.

По вечерам больше никто не выходил на улицу. Окна завешивали тряпками, двери запирали на два засова. Детям строго-настрого запретили подходить к тому дому ближе, чем на три улицы. Да и взрослые обходили его стороной.

Но беда не уходила.

У Василисы Степановны внук в горячке слег — весь горел, а наутро остыл. У Петра Кузьмича крышу снесло ветром, хотя вокруг ни одно деревце не качнулось. А у самого Ивана Никифорыча вода в колодце сделалась горькой — ни скотине, ни себе.

Тогда собрались мужики на сходе.

— Надо попа звать, — сказал кто-то.

— Какого попа, он за тридцать вёрст, не доедет, — ответил другой.

— А я говорю, — встал Иван Никифорыч, — надо тот дом спалить. К чёртовой матери. Вместе с книгой и со всем, что там есть.

Народ зашумел. Кто-то соглашался, кто-то крестился и отнекивался — боялись. А один старик, самый древний в деревне, дед Ермолай, поднял клюку и сказал тихо, но так, что все услышали:

— Не поможет спалить. Она, когда помирала, сказала: «Если кто войдёт — вы не сможете больше жить в этом месте». Не в доме беда. В земле уже. В воде. В воздухе.

Мужики притихли.

— А что ж делать? — спросил Иван Никифорыч.

Дед Ермолай помолчал, поглядел на закат — а небо было красное, как пожар.

— Молиться, — сказал он. — И собираться отсюда. Потому что деревня эта — кончилась.

Глава 3. Пропавший сосед

Прошёл месяц с тех пор, как в деревню пришла беда. Скотина пала вся до единой. Огороды почернели и высохли, будто по ним огнём прошлись. В колодцах вода стала горькой и вонючей. Но самое страшное началось позже.

Люди стали пропадать.

Сначала никто не придал этому значения. Думали — ушёл в гости в соседнюю деревню, или запил где, или обиделся на кого. Но когда за неделю исчезло три человека — тут уж не до шуток стало.

А потом пропал сосед Ивана Никифорыча.

Звали его Николай Яков. Мужик он был тихий, незаметный. Жил один, как и Иван Никифорыч. Ни жены, ни детей, ни родни. Только кота рыжего, да и тот от него ушёл за неделю до беды — будто чуял.

Николай Яков любил по грибы ходить. В том лесу каждую тропинку знал, каждую кочку. Говорили, он и с закрытыми глазами оттуда выйдет.

В то утро он встал затемно, взял корзинку, ножик и ушёл. Иван Никифорыч видел его ещё за огородом — махнул рукой, а Коля только кивнул и скрылся в берёзах.

К вечеру Николай Яков не вернулся.

Иван Никифорыч поначалу не волновался. Мало ли — грибов много, задержался. Думал, к ночи объявится. Но пробило полночь, а соседа не было. Иван Никифорыч вышел на крыльцо, посмотрел в сторону леса — там чернота, хоть глаз выколи. И тишина. Не лают собаки — потому что собак уже не осталось. Не кричат петухи — петухи тоже сдохли. Только ветер гуляет по пустым огородам.

Утром Иван Никифорыч пошёл к старосте.

— Николай Яков пропал, — сказал. — В лес по грибы ушёл и не вернулся.

Староста вздохнул, покрутил ус и велел собирать народ.

К полудню собралась вся деревня. Много ли осталось — мужиков человек двенадцать, бабы с детьми не пошли. Разбились по парам и пошли прочёсывать лес. У каждого в руках палка, у каждого на груди крест. Идут молча, даже не переговариваются.

Лес стоял как заколдованный. Птицы не пели. Белки не скакали. Тишина такая, что шаги по мху слышны за сто шагов.

Прочесали они лес вдоль и поперёк. Каждую ложбинку проверили. Каждый овраг. Каждый куст.

Нашли только корзинку Николая Якова.

Стояла она под старой елью, полная боровиков. Свежих, крепких, будто только что срезанных. А рядом на земле — ножик. И больше ничего. Ни следов, ни крови, ни клочка одежды.

Будто человек сквозь землю провалился.

Староста велел никого больше в лес не пускать, а сам на следующий день вызвал полицию и спасателей.

Приехали из района. Машина с синей полосой, люди в форме. Поспрашивали, посмотрели на корзинку, на ножик. Пожали плечами. Сказали — может, заблудился, ушёл далеко, сами найдём.

Собрали отряд добровольцев — человек двадцать. Приехали с собаками. Собаки взяли след от корзинки, прошли метров двести и встали. Заскулили. Хвосты поджали. Ни в какую дальше не идут. Их и тянули, и уговаривали, и мясом манили — никак.

— Странное дело, — сказал кинолог. — Псы у меня надёжные, через любую чащу пойдут. А тут будто стену чуют.

Люди десять дней искали Николая Якова.

Ходили по лесу кругами. Растягивались цепочкой. Прочёсывали каждый квадратный метр. Останавливали машины на просёлочной дороге, спрашивали, не видели ли мужика с корзинкой.

Ничего.

К концу десятого дня даже спасатели сдались.

— Воды у него нет, — сказали. — Еды нет. Десять дней в лесу без ничего не выживают. Видимо, упал куда-то, захлебнулся в болоте. Похороним без тела.

Уехали.

А через три дня Иван Никифорыч проснулся среди ночи. Не от шума, не от стука — просто открыл глаза и понял, что не уснёт. Лежал, смотрел в потолок и слушал тишину.

И вдруг услышал.

С улицы доносился слабый, глухой звук. Будто кто-то бьёт ладонью по воде. Тихо так, через каждые несколько секунд. Бух. Бух. Бух.

Иван Никифорыч встал, накинул тулуп и вышел на крыльцо.

Ночь стояла безлунная. Деревня спала мёртвым сном. А звук шёл со стороны того самого участка — где дом ведьмы.

Иван Никифорыч перекрестился и пошёл.

Он не хотел идти. Ноги сами несли его, а сердце колотилось где-то в горле. Но он шёл. Потому что надо было. Потому что если не он, то никто.

Дом ведьмы чернел на краю деревни как огромный гроб. Окна всё так же заколочены, дверь на цепи. Но участок зарос бурьяном по пояс. И в дальнем углу, там, где раньше стояла старая баня, теперь зияла дыра.

Колодец.Тот самый колодец, про который никто уже и не помнил. Ведьма, говорили, пила из него воду, когда жива была. А после её смерти колодец завалили досками и закидали хламом. Иван Никифорыч и не знал, что он там.

Звук шёл из колодца.

Бух… бух… бух…

Он подошёл к краю. Заглянул внутрь. Сначала ничего не увидел — темно. Потом луна вышла из-за тучи, и он разглядел.

Внизу, на дне, в чёрной воде плавало тело. Лицом вниз. Руки раскинуты. На спине — знакомая рубаха в клетку, которую Николай Яков носил каждое воскресенье.

Иван Никифорыч отшатнулся. Перекрестился трижды. Хотел бежать, звать людей, но ноги не слушались.

А тело в колодце медленно перевернулось.

И лицо Николая Якова смотрело вверх. Белое, опухшее, с открытым ртом. И губы его шевелились. Без звука. Как у рыбы, выброшенной на берег.

Иван Никифорыч не помнил, как добежал до дома. Не помнил, как упал на лавку. Очнулся уже утром — в поту, в дрожи, с молитвой на губах.

Сразу побежал к старосте.

На этот раз собирать никого не пришлось. Вся деревня знала уже — чутьё у людей такое. Когда случилось что-то по-настоящему страшное, они сами вышли на улицу. Молча. Без слов.

Подошли к тому участку. Иван Никифорыч показал на колодец.

Доски, которыми он был завален, лежали рядом — аккуратно, будто их кто-то сложил. А из колодца тянуло сладким,

приторным запахом. Таким, какой бывает от давно мёртвого мяса.

Спустили верёвку с крюком. Достали тело.

Николай Яков пробыл в воде не десять дней — он пробыл там три недели, со дня своего исчезновения. И не было на нём никаких следов насилия. Не били его, не резали, не душили. Просто… взяли и утопили.

Или не утопили, а он сам пришёл и лёг.

Никто не знал. И никто не хотел знать.

Похоронили Николая Якова за оградой кладбища, как самоубийцу. Бабы шептались, что так и надо — потому что в гробу его глаза были открыты, а рот растянут в улыбке. Такой страшной, что даже отец Димитрий, приехавший из соседнего села, крестился и бормотал не отходную, а что-то другое — то ли заклинание, то ли молитву от сглаза.

После того как нашли Николая Якова, больше никто не пропадал.

Но не потому, что беда кончилась. А потому, что местные перестали в лес ходить. И после захода солнца на улицу да-

же не выходили. Сидели по домам, запершись на все замки. Свечей не жгли — боялись, что увидят в окне чьё-то белое лицо. Спали при лампадах, но и они порой гасли сами собой.

Детей отпускать со двора перестали. Те, что поменьше, уже и забыли, как трава пахнет. Только смотрят из окон на пустую деревенскую улицу, где никто не ходит, никто не ездит, только ветер гоняет сухую чёрную землю с одного пустого огорода на другой.

Иван Никифорыч остался в своей избе один.

Он сидел по вечерам у печки, гладил кота — того самого рыжего, который вернулся к нему через три дня после похорон Николая Якова. Кот приходил только на ночь, а утром уходил. И куда уходил — Иван Никифорыч не спрашивал. Потому что боялся ответа.

Он часто вспоминал тот вечер, когда студенты полезли в ведьмин дом. Молодые, глупые, с фонариками и телефоном. Думали — реферат, информация, пятёрка.

А получилось — смерть.

И теперь деревня умирала медленно, понемногу. Как человек, которому перерезали горло — не сразу, но верно.

И каждую ночь Иван Никифорыч слышал далёкий, глухой звук.

Бух… бух… бух…

Из того самого колодца.

И знал он — там, в чёрной воде, кто-то есть. Или что-то. И оно ждёт.

Глава 4. Священник

Прошло ещё две недели. Люди больше не пропадали, потому что никто не выходил из дома после заката. Но страх не уходил — он висел над деревней как тяжёлая, липкая туча. Бабы плакали по ночам, мужики хмуро молчали за столом. Даже дети перестали играть — сидели по углам, нахохлившись, будто чувствовали, что рядом с ними живёт что-то недоброе.

И тогда на сходе решили:

— Надо священника звать.

Денег скинулись кто сколько мог. У кого ещё оставалась

скотина — продали последнюю. У кого не было — отдали что из дома. Собрали приличную сумму, запрягли лошадь и послали самого молодого и шустрого парня — Ваньку Сокола — за тридцать вёрст в село Покровское, где был свой батюшка.

Ванька уехал затемно и вернулся только к вечеру следующего дня. Усталый, голодный, но довольный.

— Едет, — сказал он. — Отец Михаил. Обещал к утру быть.

Всю ночь деревня не спала. Женщины мыли избы, застилали чистые скатерти, ставили на столы хлеб-соль. Мужики чистили дворы, убирали с улиц всё, что могло броситься в глаза. Хотели показать, что они люди хорошие, православные, что беда к ним пришла не по грехам ихним, а по глупости студенческой.

Священник приехал на рассвете.

Это был немолодой уже мужчина, лет пятидесяти пяти, с седой бородой и усталыми, но зоркими глазами. Одет подорожному — чёрная ряса в пыли, на груди тяжёлый крест, в руках большой кожаный требник. При нём был помощник — молодой послушник с кадилом и сумкой, полной всяких

церковных вещей.

Встречали его всей деревней. Староста поклонился в пояс, бабы заплакали, мужики сняли шапки. Отец Михаил оглядел народ, вздохнул и сказал негромко:

— Здравствуйте, православные. Чуяло моё сердце — не к добру вы зовёте. Ну, показывайте, где у вас беда живёт.

— Да везде она, батюшка, — ответил Иван Никифорыч, который стоял в первых рядах. — Везде. Но главное гнездо — вон там.

И он махнул рукой в сторону края деревни, где чернел проклятый дом ведьмы.

Отец Михаил посмотрел туда, и лицо его переменилось. Он перекрестился, помолчал и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.